

АЛЕКСАНДРА САЛИЕВА

*The only one*  
**ЕДИНСТВЕННЫЙ**

ЧАСТЬ II

**RUGRAM**

УДК 82-311.2(02.055.2)  
ББК 83.3(2Рос=Рус)  
С16

**Салиева, А.**

С16 Единственный. Книга 2 / А. Салиева. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2024. — 230 с. — (Единственный).

ISBN 978-5-521-92029-7

Я отказалась выйти замуж за одного из самых влиятельных мужчин города, и всего за одну ночь я лишилась семьи, дома, гордости и свободы. Но это не значит, что я сдаюсь и подчинюсь чужой воле. Даже если придётся обратиться к тому, кого я совершенно не знаю. Мой отец когда-то спас ему жизнь, и он перед ним в долгу. А мне придётся стать его женой.

УДК 82-311.2(02.055.2)  
ББК 83.3(2Рос=Рус)  
BIC FRD  
BISAC FIC027000

ISBN 978-5-521-92029-7

© Салиева А., текст, обложка, 2024  
© RUGRAM, 2024  
© Т8 Издательские технологии, 2024

## ГЛАВА 1

**Аида**

Все трое застыли на пороге. Всего на мгновение, продолжившееся лично для меня целую вечность. Ту самую, где гореть мне синим пламенем в очаге преисподней за все свои грехи.

— Убери её, — не сводя взгляда с меня и Амира, произнёс муж, обратившись к охраннику.

Рослый парень коротко кивнул, и на два действующих лица стало меньше. Двери снова закрылись, отрезая нас от общего зала. Понятия не имею, сколько и кто успел увидеть, пока те были открыты, но осознание того, что в скором времени всё, может, станет ещё хуже, накрыло с головой, подобно цунами.

— Алихан, — попросила жалостливо.

Мой голос утонул за другим, более громким и насмешливым:

— На чём мы остановились в прошлый раз? — развернулся Амир. — Кажется, ты что-то говорил о том, что я к ней не приближусь. Как видишь, в этом твоём утверждении что-то пошло не так...

Ещё секунда, и всё смешалось: звон разбившегося бокала, который я нечаянно смахнула рукой в очередном порыве сбежать, глухое ругательство, сорвавшееся с уст мужа, злорадная усмешка и торжество в глазах Амира, давление его жёстких пальцев на моём колене, прежде чем он отпу-

стил, моя тупая боль, тихий ужас пополам со стыдом, а также чувство безграничной вины. В этот раз я в самом деле виновата. И даже слишком. Но я благодарна этому премерзкому чувству. Именно оно избавило от оцепенения, позволило сбросить с себя удушающие оковы паники, подтолкнуло к дальнейшему:

— Алихан! — чуть не поскользнулась и не грохнулась, но каким-то чудом удержала равновесие, понадобилось всего секунды две, чтобы оказаться перед ним.

Между ними.

— Алихан, не надо, пожалуйста, я прошу тебя, — взмолилась, вцепившись в рубашку мужа, глядя на него снизу вверх. — Я тебя очень прошу, пожалуйста, не делай, — повторила, путаясь в связности и построении фраз.

Неважно. Только бы он услышал. Не сорвался. Не стоит тот, кто остался за моей спиной, того. Ни гнева. Ни злости. Ни намечающегося скандала. Ни того, во что всё это выльется потом. Если уж кому расплачиваться — так мне. Одной. Не Алихану. Амир... Пусть катится ко всем чертям.

Жаль, о чём-то подобном тут помнила лишь я одна!

На мою мольбу мужчина взглянул на меня с такой лютой ненавистью, словно я только что и его, и родину, и мать родную предала, наказание мне — смерть.

— Что. Ты. Сказала? — разделяя каждое слово, как если бы разучился говорить, проговорил он.

Страшно?

Ещё как!

Но я не сдалась. Сдавила пальцы крепче, принялась уговаривать его дальше:

— Алихан, пожалуйста, не надо...

Он слышал. Но уже не слушал. Да и не смотрел на меня больше. Вместе со мной шагнул вперёд. Один шаг. И ещё один. Другой. Всё его внимание сконцентрировалось на арабе, а я как в глухую стену стучалась, всё безрезультатно. Ровно до момента, пока в самом деле не ударила. Я. Его. Кулаком. В грудь. Со всей дури.

— Алихан!

Вернувшийся ко мне взгляд — абсолютно невменяемый. Пустой. Стекланный. И одновременно дикий, пугающий до глубины души, сулящий расправу.

— Не трогай его, прошу тебя!

Не знаю, что такого убедительного я сумела вложить на этот раз в свой крик, но сработало. Вместе с появлением Альпа и ещё двоих охранников.

— Как скажешь, *любимая*... — почти оскорбление, с учётом исказившей его губы ухмылки.

То самое запястье, за которое меня сюда притащили, оказалось вновь перехвачено. Кажется, завтра там будет здоровенный синяк, но я ни звука не издала, позволяя увести себя за пределы комнаты. Он продвигался к выходу быстро, размашистыми шагами, никого и ничего не замечая, я еле поспевала. Мы остановились лишь у машины, припаркованной напротив центрального входа. Вероятно, он оставил автомобиль здесь, когда приехал, ещё не успели убрать. Дверную ручку Алихан дёрнул с такой резкостью и силой, словно представил на её месте вытянутый хребет Амира аль-Алаби. Замер на несколько секунд, пристально вглядываясь в моё лицо, словно искал там ответ на какой-то вопрос, одному ему известный, не спрашивал ведь ничего. Я тоже застыла, опасаясь лишний раз пошевелиться. Слишком ярко чувствовалась исходящая от него неутраченная ярость. Как какая-нибудь грёбаная радиоактивная волна, она травила и губила мой разум, хотя внешне ничего не происходило.

Он запихнул меня на заднее сиденье. Сам уселся за руль. Молчал всю дорогу. Вилла встретила нас тишиной. Из машины я самостоятельно выйти не успела, с учётом длины платья на это требовалось некоторое время, поэтому мужчина меня из салона банально вытащил, после чего притащил прямиком в... спальню.

Ни слова так и не произнёс!

Уж лучше бы кричал, ругался, выместил на мне весь свой гнев. Знала, он его до сих пор переполнял. Тем более что я осознанно всё на себя перетянула.

Что ж...

Попытка номер два!

— Он застал меня врасплох. Вокруг было так много людей, если бы госпожа Ирем заметила... — нашла в себе силы начать первой.

Алихан к этому моменту дошёл до середины комнаты, стаскивая с себя пиджак. Стоило мне заговорить — будто в невидимую стену врезался.

— Что-то не заметил я рядом с вами действительно много людей, — отшвырнул от себя пиджак, выместив злость на галстуке.

Не так уж и далеко он от меня успел отойти. Развернулся. Секунды ему всего хватило, чтобы вновь оказаться поблизости.

— Рядом с вами вообще никого не было, — добавил, как выплюнул, и обхватил за подбородок.

Он запрокинул мою голову, вынуждая смотреть ему в глаза. Сам — склонился ближе.

— И ты заступилась за него, — произнёс зловецим полужёпотом. — Почему, Аида? Почему ты защитила его?

Пальцы сдавили сильнее. Говорить становилось сложнее. В моих глазах застыли предательские слёзы.

— Я хотела защитить не его. Тебя, — отозвалась едва ли достаточно громко. — И не от него. От себя самого.

На лице Алихана мелькнула мрачная ухмылка.

— Зря. Потому что думать в тот момент надо было не обо мне. О себе. И думать о том, кто в таком случае защитит тебя, — прошептал мне в губы. — От меня.

— Меня не нужно защищать. От тебя. Ты... — выдохнула.

Недосказанность осталась витать в воздухе. Мужчина смял мои губы алчным поцелуем, не оставив возможности высказаться дальше. Правда, как бесцеремонно заткнул

меня, так же неожиданно и отстранился, хотя ладонь с моего лица не убрал, просто отодвинул меня от себя.

— Ты ошибаешься. Потому что сейчас в моей голове не осталось ничего, помимо мыслей о том, как я накажу тебя за всё, что ты сделала, и сделаю это в самое ближайшее время. Желательно прямо сейчас, — опалило моё сознание.

Возможно, мне стоило ответить. Возразить. Согласиться. Хоть что-нибудь сказать. Но ни звука я не выдавила из себя. Да и кому нужны эти слова? Я быстро их позабыла. Вместе с новым поцелуем. И правда, почти как наказание. Он просто брал. Не нуждаясь в моём дозволении. Его пальцы сместились к моей шее, плечам и дальше... ласкали жадно, настойчиво, стаскивая платье, забираясь в волосы, притягивая к себе ближе, плотнее, немного грубо, но вместе с тем пробуждая мириады мурашек по коже и безграничное тепло, что впитывалось под кожу волнами сладкого и грешного удовольствия.

— Если не сделаю, свихнусь... — то ли снова ко мне обратился, то ли мысли свои вслух озвучил.

Неважно. Разве я запомнила? Алый шёлк соскользнул по моим ногам и шлёпнулся к ступням. Упавший наряд накрыла его полетевшая следом белая рубашка. Он сам снял её с себя, фактически сорвал, с тихим рычанием сквозь зубы. Исходящая от него агрессия совсем не стихла. Но разбавилась чем-то ещё. Диким. Животным. Хищным. Заражающим меня саму этой первобытной потребностью. Я могла бы прикоснуться и разглядеть каждый миллиметр узора татуировок на мужском теле, созданном столь тщательно и искусно, что голова шла кругом. Но сегодня у меня не осталось права выбора и свободы действий. Я лишилась их. Так же безвозвратно, почти безжалостно, как и своего нижнего белья.

— Будет больно. Но ты и сама это знаешь.

Не знаю. Всё, что я могу, — это представлять, хотя мои мысли слишком ничтожны, у меня нет иммунитета к его прикосновениям, едва моей спины коснулись прохладные простыни. Он обнажён по пояс, забыл избавиться от остальной

одежды, всецело поглощён захлестнувшим желанием. Я голая полностью, с разведёнными в стороны полусогнутыми коленями. Чувство уязвимости во мне зашкаливает. Пряжка ремня на его брюках царапает внутреннюю сторону моего бедра, когда он опускается надо мной, нависнув сверху, не прижимает к кровати своим весом, но давит тяжестью ауры. Напряжение в воздухе искрит — хоть режь. Кислород в моих лёгких заканчивается. Я почти задыхаюсь и комкаю хлопок под собой до побеления кончиков пальцев, до судорожных спазмов, сжимаю кулаки и сжимаюсь внутренне вся сама, чувствуя его дыхание на своих губах. Последующий поцелуй не такой, как предыдущие. Удивительно нежный, тягучий и мучительно неспешный, он плавно скользит вдоль левой скулы к моему горлу. Задерживается. Жалит. Оставляет след. Своеобразное клеймо. Опускается ниже, к груди, животу, ещё ниже, а потом...

— Алихан, — всхлипываю и выгибаюсь дугой от ошеломляющего чувства, что нещадно пронзает насквозь.

То, что он со мной вытворяет, разрушает всё, что я знала прежде. Реальности больше нет. Я не помню её. Едва ли осознанно сажу колени вместе. Он вновь разводит их в стороны. Решительно. Непримируемо. Целует. Снова. И снова. Меня. Между ног. Не останавливается. Даже когда я умоляю, мычу и хнычу, кусая губы, раз за разом повторяя заветное имя, извиваясь под напором его рта и умелых ласк. Сама не знаю, о чём прошу. Не соображаю. Оргазм настигает в считанные мгновенья. Не отпускает. Увлекает в бездну. Слепит и оглушает. Там, в ней, лишь тьма. А я прогибаюсь в спине, закатывая от наслаждения глаза, не в силах вернуться из этого царства без дна.

— Алихан...

Я ищу его, зову, хочу дотянуться. Не получается. Он отстраняется, переворачивает меня. Одна ладонь проскальзывает между моих бёдер и чуть дальше, ложится мне на живот, приподнимает вверх, другая — давит на плечо, вынуждает уткнуться носом в подушку. У меня нет никакой

другой опоры, не за что ухватиться, кроме измятой мною же простыни.

— Алихан...

Мой мир — до сих пор разрозненные осколки. Несвязные. Разбросанные в темноте. Они же вонзаются в меня острой невыносимой болью. Вместе с глубоким жёстким толчком. Всего одним. Но и этого слишком много. Его плоть во мне — до упора, чувствуется такой огромной, что начинает казаться, меня сейчас разорвёт. Я не помню, когда он успел полностью раздеться. Не понимаю, как возможно такое терпеть. Я дёргаюсь, пытаюсь избавиться, освободиться, вновь умоляю его, прошу и кричу.

— Тише, любимая. Тише...

Его голос — мягкий, ровный, призванный успокоить меня. Но я не верю. Ни единому лживому слову. Ведь хватка на моём бедре совсем не такая, полнейший диссонанс в моей голове. Он держит надёжно и крепко, фиксируя, не позволяя сбежать. Подняться, сменить позу, найти хоть капельку облегчения тоже не позволяет. Выходит из меня жестокому медленно, растягивая меня и мою боль. Вонзается вновь. Повторно. Резко. Сильно. Так же глубоко. Беспощадно. Снова. И снова. Я больше не сопротивляюсь. Боль притупилась. Смешалась. Впиталась. Стала чем-то иным... Я всё ещё комкаю под пальцами простыню, кусаю губы, не умею молчать. Алихан замедляется перед самым финалом. Остаётся во мне. Замирает. Изливается внутрь. И всё равно твёрдый.

Мужчина готов продолжать...

Я ошиблась с определением финала.

Да, он наступит.

Но гораздо позже...

Сперва я ещё несколько раз сойду с ума, оступлюсь и рухну в бездну. Вместе с ним. Для него. До тех пор, пока вместе с рассветом не закончатся все мои силы и я не смогу даже пальцем пошевелить. Мне и не надо. Просто проваливаюсь в сон.

## ГЛАВА 2

**Аида**

Кровь.

Её чертовски много...

Это первое, что я заметила, когда проснулась.

Утро наступило давно. Не знаю, сколько я проспала. Шторы плотно задёрнуты. И я предприняла всего одну-единственную попытку встать, а потом открыть их.

Всё болело...

К дьяволу шторы.

Тем более что боль подло усилилась, стоило потянуться к тумбе, где покоился мой телефон.

Время — послеобеденное.

По-хорошему, сменить бы простыни...

Вместе с этой мыслью пришёл ещё один образ. Он — воспоминание. О том, что произошло ночью.

Алихан...

Его нет. И, наверное, мне давно пора привыкнуть к этой мыслию, всё-таки замуж я вышла не за какого-нибудь рыбака, который занимался своими делами, исключительно когда ему одному это нужно.

Но...

Становилось горько. И нет. Я отказываюсь. Признавать этот уровень моей боли. Отрицаю напрашивающиеся слёзы.